

Юли Туг

Там, где начинается мама



Юли Ту

Там, где начинается мама

<https://litres.ru/74525122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — попытка сохранить голос матери и понять её выбор. Всё рассказанное здесь — правда. Книга о маме, которая закрывала глаза на трещины в браке ради детей, и дочери, которая теперь собирает эти воспоминания по крупицам, пытаясь вернуть запах розовой мимозы во дворе дома по улице Ульянова.

Содержание

Глава 1	4
Нина	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	13
Глава 5	18
Глава 6	26
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юли Ту

Там, где начинается мама

Глава 1

Нина

В 1932 году в Верхнехавском районе Воронежской области родилась девочка по имени Нина. В те времена семьи были большими, но не все дети успевали повзрослеть. Из Нининых сестёр две ушли слишком рано, а вот младший брат выжил — он стал её самым близким человеком.

Был голод. Пережили. Весна спасла своим приходом, новыми молоденькими почками на деревьях и речными улитками. Потом пришла война. Она душила, травила, убивала и, уходя, забрала с собой отца Нины.

Но Нина, несмотря на всю тяжесть жизни тех лет, продолжала расти весёлой и активной девочкой.

В деревне пьющие мужики, считающиеся нормой, и женщины в горящих избах коней спасали. Известный образ, вшитый стальными нитями в нашу генетическую память. Нина росла, впитывая эту историю и виденье жизни. Росла умной, красивой и активной девушкой.

Вместе со своей двоюродной сестрой они сбежали из деревни на завод в Воронеж. Сбежали, потому что просто так нельзя было уехать куда вздумается, но оставаться в деревне для них, казалось, не имело смысла и будущего. Работать на заводе было тяжело, приходилось вкалывать.

А потом пошли разговоры о том, что можно поехать по вербовке в город Сочи на ударную стройку. В городе тогда уже победили малярию с помощью высаживания эвкалиптов, которые любят поглощать воду, и разведения маленькой москитной рыбки — гамбузии. Приручили сероводород на Мацесте. И масштабное преобразование продолжалось: реконструировались старые санатории, строились новые пансионаты, озеленялись скверы, устраивались сады и парки. Спасибо Анастасу Микояну за то, что он когда-то предложил Сталину полечить его больную руку на Мацесте.

И вот сёстры с завода, так же, как и из деревни, молча убегают в Адлер. Сестра устроилась почтальоном, а Нина — истопником. Приходила на работу в пять утра, топила печку, вечером делала уборку, мыла полы. И опять тогда голодала: денег катастрофически не хватало. Собирала в лесу дикие райские яблочки, выживала как могла. Купила на рынке булочку, стоившую почти половину всей зарплаты, а через пять минут обнаружила её пропажу. Не украли булочку — просто Нина съела эту сладкую, вкусно пахнущую радость и даже этого не заметила.

Глава 2

Своим чередом

На работе Нина знакомится со своим будущим мужем. Вроде ничего, такой нормальный мужик. Ну, выпивает как-то особенно с азартом, зато как на аккордеоне играет! А пить — все пьют, это известно с рождения. Это нормально.

Свадьба была скромнее некуда. Жизнь всё так же впроголодь и на грани. Съездили к родне мужа в Украину с надеждой, что там будет легче. Но — нет. Деньги закончились совсем, работы так и не было.

Свекровь отправила их обратно и сказала Нине: «Никогда не поддавайся на его уговоры, никуда больше не ездь, строй свою жизнь, не слушая мужа».

Вернулись значит. Здесь друзья, поддержка. Здесь природа и море, которое, перебирая волнами гальку на берегу, вселяет надежду и веру в лучшее.

Нина нашла работу в ресторане на вокзале в Сочи. Учиться пошла. Старалась, стремилась. Потом — ресторан «Хоста». Комсомол. В городе где бурлило строительство, Нина тоже строила — свою жизнь. Очень хорошо у неё это получалось. Продвигалась. И всё было бы ладно, но муж пил. Он не находил себе места в этой жизни и вновь потащил Нину к себе на родину. А Нина, забыв наказ свекрови, послушала мужа и опять поехала. Там он в пьяном угаре сжёг все Нини-

ны комсомольские документы. Сжёл и погубил все её планы и мечты.

В Адлере они жили в бараках. Там были семьи, которые жили как одна. Дружили крепко, помогали друг другу. Нинина подруга, собрав денег по соседям, твёрдо велела вернуться домой: «Быстро возвращайтесь! Билеты купим! Деньгами поможем. Нечего там сидеть. Вы главное — аккордеон не продавайте!»

Опять вернулись на круги своя. Муж Нины пил всё чаще. Выпивать тогда стали вместе с друзьями. Есть в доме было практически нечего. Выкручивались. Одежда изнашивалась до дыр. Обувь — тоже. Нина в дождь всегда ходила с мокрыми ногами, изза чего часто простужалась и болела. Но в уныние она не впадала, продолжая верить и надеяться, искать возможности, искать работу.

Муж устроился в милицию. И поначалу служба у него хорошо пошла. Нина устроилась в ресторан в Адлере, который позже стал диетической столовой. Стало полегче, в плане еды уж точно. Появились дети: дочь, а через четыре года — сын. Нина же после рождения дочери очень долго болела малярией. Отголоски этой сочинской напасти прицепились к ослабленному иммунитету, и её долго мучила лихорадка.

Но зависимость не отпускала своих липких рук с шеи мужа Нины. Он начал выпивать на работе. Дома атмосфера была вязкой и тяжёлой — в первую очередь для детей. Страх в ожидании прихода отца домой стал перманентным. И дочка

Людка — кажется, она с рождения стала Людкой, так и не побыв Людочкой или Милой, — начала бояться папиного возвращения домой с работы. Какой он вернётся? Сам придёт или его пьяным приведут? Или скажут, что отец разбился на мотоцикле и надо бежать в больницу, как было в день рождения Люды. Ей исполнилось шесть лет: дома торт и свечи, но они с мамой и младшим братом бегут по больничному коридору к отцу. Запах алкоголя и вид крови — вместо радости и улыбок на детском празднике.

Страх, смешанный со злостью и ненавистью, начал граничить с желанием смерти отца. Люда быстро научилась прислушиваться к звукам за дверью, угадывать настроение взрослых по шагам и всегда помнить и следить, где младший брат.

Летом по вечерам она, держа брата за руку, ходила вдоль дороги и ждала маму с работы. Туда-сюда. Когда же приедет автобус? В памяти у неё теперь запах того Адлера: асфальт, остывающий от дневной жары, смешивался со сладким ароматом разноцветных цветочков мирабилисов или как их называют местные — зорек, распутившихся на закате. Можно сорвать несколько цветочков и нанизать их, как яркую разноцветную гирлянду, на тонкий прутик от травы — и будет красота, и будет мгновение счастья.

Люда держала крепко за руку брата, в то время как Нина с безграничной любовью и материнской заботой протягивала руки помощи своему младшему брату Володе.

Глава 3

Брат

Володя был младшим братом Нины. Как они любили друг друга! Это была необыкновенная, неимоверная любовь между братом и сестрой. Любовь, которая не требует слов, держится на понимании и готовности отдать последнее.

Школу Володя окончил в селе Байгора, и надо было ещё два года подучиться, чтобы поступить в институт. Каждый день он ходил на занятия за несколько километров, не жаловался никогда. Расстояние только закаляло его. Однажды он приехал к Нине из деревни в Адлер, ему тогда лет пятнадцать было. Пришёл к ней на работу в таком виде, будто пешком шёл из Воронежской области: грязный, уставший, в рваной одежде. А Нина, как бы тяжело сама ни жила, всегда ему помогала. Увидев брата в таком виде, она тут же купила ему новую одежду, собрала еды и с тех пор старалась заботиться о нём чуть ли не как мать.

Когда Володя поступил в институт в Воронеже, мать из деревни помогать ему особо не могла: что там взять в небогатом хозяйстве? Только и присылала раз в месяц бутылочку масла да килограмм пшена. А Володя учился на инженера и получал одни пятёрки. Ему всегда математика давалась легко — цифры ложились в голову, как ноты в мелодию, и он решал задачи быстро, почти играючи. Стипендию небольшую

получал, жил в общежитии, где в комнате зимой было так холодно, что пар изо рта шёл. Но жизнь у многих тогда была такая тяжёлая, холод и теснота казались мелочью. Володя недоедал, был худенький — страсть. И здоровье его тогда пошатнулось: дала о себе знать поджелудочная железа. Но не было совершенно никакой возможности следить за питанием и как-то беречь себя.

После окончания института Володя у Нины дома в Адлере познакомился с девушкой. Как оказалось — со своей будущей женой. И свадьбу помогла сыграть Нина. По-другому даже быть не могло. Она чувствовала эту ответственность за брата, как будто он всё ещё тот пятнадцатилетний мальчик, пришедший к ней в рваных штанах. Тогда же Нина из деревни забрала к себе мать. И за ней тоже надо было следить. И здесь, как думала Нина, без её помощи было никак.

А Володя со своей женой поехал по направлению в Липецкую область работать на три обязательных года после учёбы. Молодая семейная жизнь — сложная штука. Как-то Володя поругался с женой, и она, всплыв, спряталась от него на чердаке. Он метался, не зная, что делать, а потом сел и позвонил в Адлер Нине: «Не приехала ли моя обратно? Потерял!» Нина, долго не раздумывая, из Адлера самолётом прямиком к ним. Надо скорее мирить, надо помогать, что-то делать. И рассудила, помирила их, и ещё пару дней пожила рядом, чтобы всё встало на свои места, чтобы молодые снова научились жить в ладу.

Отработав три года и забрав диплом, Володя с женой и маленькой дочкой едут назад в Адлер. Жить и работать. Планы были большие, глаза горели. Жену свою Володя на руках носил и всё старался сделать хорошо, будто хотел наверстать все те годы, когда сам жил впроголодь. Он верил: «Поедем в Адлер, построим большой дом из красного кирпича, и будет моя дочь, как лебёдушка, ходить в шелках и в лебедином пуху!».

Но, приехав в Адлер, Володя почти сразу почувствовал знакомый тяжёлый укол под рёбрами. Приступ с поджелудочной. На этот раз болезнь не отступила. Всё случилось стремительно: больница, суeta врачей, а потом тишина, в которую семья входила шаг за шагом, не веря, что это правда. Володя умер, повергнув всех в шок. Маленькая дочка, не понимая, не осознавая происходящего, на похоронах громко ругалась на Володю: «Вставай! Чего разлёгся?! Ну вставай же!» Её крик звенел разбитым стеклом по округе.

И вот так семейное горе запечатывается в памяти, оседает в уголках души, откуда его не вытравить ни временем, ни словами. Остаётся убеждение, что всегда нужно быть готовым к испытаниям, что в жизни счастье очень обманчиво и, возможно, ему, этому счастью, и места в этой жизни нет.

Но остаётся и другое: память о том, как кто-то когда-то шёл за несколько километров сквозь метель, чтобы учиться. Как кто-то покупал новую одежду и собирал еду, несмотря на собственную нужду. Как кто-то садился в самолёт, чтобы

помирить и спасти. И эта память как тихий свет, который не гаснет даже в самой тёмной комнате. Надо только уметь видеть его и беречь.

Глава 4

А если жизнь переменить?

У мужа Нины как оказалось ко всему хорошему в добавок была любовница. Там же, в бараке, через пару квартир от них. И ходить далеко не надо было. И в ту ночь, когда Нинин муж, пьяный и растерянный, перепутал двери и шагнул не в свою квартиру, это стало последней каплей. Нина молча собрала его чемодан, выставила за порог и закрыла дверь. На этот раз навсегда.

Общение с отцом у детей быстро сошло на нет. Он жил рядом, но будто в параллельной реальности. Той, из которой сам вычеркнул дочь и сына. Можно только догадываться почему. Может, ему было стыдно смотреть им в глаза, а может, и правда всё стало безразлично.

Как-то, проходя вдоль дома, он молча переступил через велосипед сына. Тот как раз ремонтировал его, возился с цепью, гордился, что почти всё сделал сам. Отец шагнул через раму, не замедлив шага, не взглянув, и прошёл мимо, словно чужой человек. Сын, подняв голову, посмотрел ему вслед и в этот миг тоже вычеркнул его из своей жизни. Однозначно и навсегда. Даже имя его больше не произносил.

Дочке Люде было пятнадцать, когда отец перестал с ними жить. Подробности тех лет теперь смазаны в памяти, будто кто-то провёл по ним влажной тряпкой, стирая лишнее.

Но летние воспоминания остаются яркими. Люда с братом и друзьями бегали в чужие фруктовые сады, карабкались через заборы, прятались в тени деревьев, пока хозяева не гнали их прочь. Повзрослев, стали ходить на танцы. Лучшие танцы во всём Адлере были в «Яме»: возле речки с звучным названием Херота (ударение на е) там, где площадка уходила чуть ниже уровня улицы, и музыка звучала гулко, будто из-под земли. Там среди музыки и смеха Люда встретилась с Наташей, не зная, что это знакомство не на один вечер, а на целую жизнь. Некоторые люди входят в нашу судьбу тихо, без громких обещаний, а потом становятся её самой надёжной частью. Они сразу стали общаться так, будто знали друг друга давно, на одном языке, на одной волне. И эта дружба как подарок судьбы, выдержав все жизненные трудности и обстоятельства, сохранилась до сих пор.

Когда Люда заканчивала школу, Нина познакомилась с новым мужчиной. Стали жить вместе. И вскоре, благодаря Нининым стараниям, им дали квартиру. Трёхкомнатную, светлую. Все дружно переехали из барака, этот переезд ощущался как маленькая победа: не просто смена жилья, а выход на другой берег, подальше от прежней тяжести.

Люда с двумя подругами пошла учиться в кулинарный техникум. Снимали квартиру в центре Сочи, маленькую, с облупившейся краской на подоконниках, но свою, отдельную, где можно было поздно возвращаться и включать музыку, когда хочется. Они становились взрослыми и самосто-

ательными сами без чьих-то напутствий и наставлений. На завтрак — кофе и бутерброд с маслом и вареньем из инжира, и никто не поругает, что это неправильно.

По окончании техникума устроились работать в бар «Солнечный» в двенадцатом корпусе Курортного городка. Чтобы в него попасть, не будучи отдыхающим, не имея курортной книжки, надо было дать рубль швейцару Феликсу. Рубль находился у многих местных. Бар был шумный, весёлый, пах вареным по-восточному кофе, который искусно варила Светочка и мороженым, в тех самых металлических креманках. В центре зала был бассейн с мозаикой в продолжение ансамблей рыбок и кораллов Церетели и через бассейн мостик. Атмосфера праздника и вечного лета. Здесь всегда находилось место для смеха и поддержки.

Был у Люды ухажёр из Ворошиловграда. Она даже съездила к нему в гости, познакомилась с родителями. Но представил он её как-то странно. Не как девушку, с которой у него что-то серьёзное, а как просто знакомую, которая приехала поступать в институт. Бабушка ухажёра сводила Люду в институт, показала, где деканат и на этом знакомство было исчерпано. Люде обстановка показалась чужой, а она сама — будто не к месту, не ко двору. В их доме Люда чувствовала себя лишней.

Вернувшись в родную, привычную обстановку в Адлер, в бар, к подругам, она вздохнула свободнее. Жизнь пошла своим чередом, будто и не было этой неловкой поездки.

Но в один вечер в баре появился симпатичный молодой человек. Он приехал в гости к местным музыкантам, сидел в углу, слушал, как играют, и время от времени поднимал глаза, будто что-то искал. В какой-то момент он подошёл к Люде и решительно сказал, что завтра у них должно быть свидание.

— Я завтра иду на переговорный пункт в два часа. Хочешь, приходи, вместе пройдемся, — ответила Люда.

Встретились как договорились, но до переговорного пункта так и не дошли. В Ворошиловград звонок не состоялся. Остановившись возле бочки с квасом, чтобы утолить жажду в летний зной, этот молодой, решительный человек вдруг посмотрел Люде прямо в глаза и сделал предложение выйти за него замуж. И от этого предложения оказалось трудно отказаться: в нём была та самая уверенность, которой хотелось верить.

Молодой человек был офицером и казался воплощённой мечтой: прямой, собранный, знающий, чего хочет. В тот же день они пошли домой к маме и рассказали, что будет свадьба, что надо собирать чемоданы, потому что Люда уезжает. Через неделю сыграли свадьбу уже в Киеве у родителей жениха. Тёплой, солнечной осенью, когда город пахнул каштанами и свежеиспечённым хлебом. А ещё через неделю улетели в Читинскую область служить, начинать новую жизнь.

Уезжая из сочинского сентября, где они гуляли по набережной и катались на «кометах» по морю, из Киева, где тоже

было тепло и радостно, они попали в Читу. Выйдя из самолёта, сразу пошёл мелкий, колючий, оседающий на ресницах снег. Люда посмотрела на серый, будто выцветший пейзаж: на чернеющие деревянные дома, на облетевшие деревья, на небо, которое казалось слишком низким и тяжёлым. И глубоко внутри себя услышала отдалённый звоночек: «Что-то я не то делаю... Куда-то я не туда прилетела».

На ночёвку перед дальнейшей дорогой их приютили в деревянном домике. На окнах лежали зелёные помидоры, урожай с грядок уже собрали, осталась только чёрная ботва на земле. Странная не уютная атмосфера.

А утром снова в путь. Автобус трясся по дороге, и за окном тянулись одинаковые пейзажи тайги: сопки и низкорослые сосны светло желто-зеленого цвета. День в дороге тянулся бесконечно.

Ещё одну ночь провели в Доме колхозника. В комнате стояли узкие кровати с чёрными, жёсткими одеялами. И тишина. Это был другой мир, ранее Люде неведомый.

И на следующее утро опять в дорогу. Ещё дальше, ещё целый день трястись по разбитым дорогам, до глубокой ночи, в расположение воинской части.

Глава 5

Можно я вернусь домой?

По приезде в воинскую часть первая ночь легла на них тяжёлым, непривычным грузом. В столовой съели что-то вроде ухи: горячая, пахучая, она на короткое время согрела изнутри, но не прогоняла ощущение чужести места, а только усиливала его.

Настоящий шок настиг Люду утром, когда она вышла осмотреть окрестности. Шёл мелкий-мелкий снежок — такой тихий, казалось, что мир медленно падает в зиму, укутываясь в белое одеяло. По левую руку стояли одноэтажные казармы, дальше тянулись деревянные дома офицеров и длинный барак, развернувшийся на две стороны, словно сторожевой рубеж между военной жизнью и обычной.

Люда смотрела на этот барак и пыталась найти в нём что-то знакомое: по форме он напоминал те, что стояли в Сочи, — те же линии, тот же простой, без украшений силуэт. Но здесь, в Читинской области, среди тайги, он выглядел совсем иначе. Вокруг застыли сопки — немые, тяжёлые, они хранили какую-то древнюю, никому не рассказанную тайну. Низкорослые пихты, измученные частыми пожарами и вечной нехваткой кислорода, отливали светло зелёным, почти болезненным оттенком, они давно перестали бороться и просто смирились с суровой землёй. И в этом пейзаже, тихом и

неподвижном, Люда вдруг ощутила едва уловимый привкус тоски и воздух вокруг стал горьковатым.

Она столько раз представляла себе, как выглядит воинская часть, но никогда не видела её такой: не парадной, не героической, а настоящей — холодной, будничной, чужой. Они с мужем не знали, куда едут: это был сюрприз, который поверг в шок.

Вместе с ними приехала ещё одна молодая семья. Для новеньких подготовили две комнаты в бараке. Предбанник встречал их полумраком, по бокам на стенах темнели полки, а впереди ждала дверь в длинную комнату, в конце которой стояла печка. Рядом — ещё одна дверь, ведущая в спальню. В одной комнате окна были выбиты, печка — полуразбита, жизнь здесь устала держаться и понемногу сдавала позиции. С другой стороны находилась комната на солнечной стороне — там было теплее, светлее, и стены казались чуть менее обветшалыми. Но ту комнату почему-то отдали другой семье.

Молодые принялись приводить жильё в пригодное для жизни состояние. Солдаты вставили стёкла, замазали щели в печке, принесли кровать, прибили две полочки, стол и два стула. И вот, казалось бы, можно жить. Только холод стоял такой, что слово «жить» звучало почти как вызов. Пока печка топилась, в доме робко держалось тепло. Но к утру всё промерзло так, что в ведре с водой намерзал слой льда, такой плотный, что его приходилось пробивать, чтобы зачерпнуть стакан воды.

На Люду первое время многие приходили посмотреть как на диковинную зверюшку, случайно залетевшую в эти края из другого мира. Она привезла с собой наряды: велюровые юбки с пуговицами, кофточки, блузки — всё то, что делало её собой в тёплом, привычном городе. Но когда ударило минус 50, эти вещи стали не более чем воспоминанием о прежней жизни. Главным нарядом стали шаровары с начёсом и валенки — тут не до красоты, тут дойти бы до магазина, не превратившись в ледяную статую по дороге.

В части была библиотека, и Люда начала ходить туда, как в другие миры, отвлекаясь от настоящего. Она перечитала всю доступную классику и вообще всё, что попадалось под руку. Развлечений больше не было: только редкие дни рождения, которые отмечали все вместе, и вот так, вместе, встретили новый 1979 год.

Вскоре Люда узнала, что беременна. Привкус тоски, который раньше был едва уловимым, стал густым и горьким, как недозрелая ягода, которую всё равно приходится есть. Настроение было хрупким, гормонально неустойчивым. Вес понемногу стал прибавляться, тело меняло форму, и привычные вещи перестали налезать. Ходить стало не в чем, но хорошо, что с собой была вязаная юбка — длинная семиклинка, уютная, как старое одеяло. К ней — водолазка под горло и сверху вязаная кофта. В этом одном комплекте Люда проходила до весны: купить что-то подходящее было просто нигде.

Очень хотелось чего-то необычного, вкусного, того самого сочетания, которое беременные иногда просят в три часа ночи. Но выбирать было не из чего. Однажды Люда пришла в магазин: на полках лежали только фаршированный перец и пряники. Всё. Больше ничего не было.

Муж старался изо всех сил. Иногда он приносил что-то из офицерской столовой, но чаще это была деревенская еда: половина барана, промёрзлая до стеклянного хруста капуста, сладкий от мороза картофель, сушёная морковь и лук. Ещё было молоко, замороженное кругами, — его размораживали на печке, и оно возвращалось к жизни медленно, капля за каплей. Позже муж раздобыл электрическую печку — маленькое чудо, островок тепла и надежды. Родители тоже помогали: присылали посылки, и в них всегда была самая желанная сырокопченая колбаса, но с неприятным белым налётом от долгой дороги. Её аккуратно отмывали, смазывали маслом — и это становилось маленьким праздником, почти торжеством над суровой реальностью.

Люда писала письма в Адлер: «Мама, я не знаю, как готовить этого барана, он так воняет!» Мама отвечала десятками рецептов, которые надиктовывали повара у неё на работе в столовой.

Люда познакомилась с девушкой Ирой, которая забеременела раньше и на этой общей почве они быстро задружились. Как-то Люда пришла к ней в гости, а у подруги суп из сушёных грибов. Люда ела медленно. А потом вдруг подступили

слёзы. Ира посмотрела с испугом, а Люда смахнула слёзы и сквозь смех: «Я забыла, что суп может быть таким вкусным и так пахнуть»

В марте мужу Люды обещали отпуск, но почему-то отложили. И тогда у Люды случилась истерика — она чуть не разнесла эту маленькую квартирку, кричала и рыдала так, что, казалось, слышал весь посёлок. Гормоны и неоправданные мечты бушевали, как метель, сметая все попытки держаться.

Постепенно Люда поняла, что рожать здесь она однозначно не будет. Подтолкнула к этому мысль о подруге Ире: та, родив ребёнка, чуть не потеряла его. Малыш сильно заболел, а вызвать скорую, довезти до врача было почти невозможно. Да и где этот врач? Есть ли он хоть где-то рядом? Потом Иру с новорождённым ребёнком отправляли на «большую землю». Люда, провожая их взглядом понимала, что этот путь для них будет долгим, холодным и полным опасностей.

Когда отпуск всё-таки дали, Люда с мужем полетели через Москву в Киев. В Москве остановились у друзей. Люда зашла в ванную. Она долго смотрела на белую плитку на стене. Никогда раньше ей не приходило в голову, что обычный кафель может быть красивым. Открыла воду. Приняла ванну. И потом в кровати она уснула, провалившись в самый глубокий сон в своей жизни, такой, когда не снятся никакие сны.

В Киеве родители мужа, золотые люди, окружили её неподдельной заботой. Кормили самой вкусной и полезной едой, отдали свою спальню и ещё одну комнату. Когда они

прилетели, живота у Люды почти не было видно, а через месяц в Киеве он вдруг «надулся» — «Теперь можно». Но рожать Люда хотела только в Адлере, рядом с мамой. Уговоры были бесполезны: она знала, что ей нужно именно туда.

Летом Люда уже была дома, а муж улетел служить дальше. В сентябре родился сын. Люда погрузилась в материнство и ждала мужа. Ему служить оставалось ещё целый год. Потом прилетели его родители в Адлер и уговорили Люду лететь с ними. Первые шаги сын сделала в Киеве в доме бабушки и дедушки. И так, потихоньку, они дождались окончания службы. Муж вернулся, устроился на работу.

К Люде относились очень хорошо: ей помогли найти работу, шли навстречу в её желаниях, старались поддержать. Но всё вокруг по-прежнему казалось чужим — как будто она попала в другую цивилизацию, где люди общались не так, как дома. Не хуже и не лучше, просто иначе. Люда не вписывалась в этот ритм, не могла понять, как ей там существовать. У них были друзья, их звали в гости, ходили в рестораны, приезжали друзья из Адлера — но всё равно оставалось чувство, будто она стоит за стеклом: видит, слышит, но не может до конца стать частью этого мира.

Денег тоже не хватало. Зарплата мужа была такой, что после покупки продуктов оставалось всего рублей десять — столько Люда зарабатывала в баре за один вечер.

И вот Люда идёт на переговорный пункт, заказывает междугородний звонок в Адлер. Сделав паузу, собравшись с си-

лами, она выдыхает в трубку: «Мама, я еду домой. Можно? Вы меня примете обратно?» Мама ответила сразу, без раздумий: «Конечно, какие могут быть разговоры. Ждём».

Мужа Люда поставила перед фактом: «Если хочешь, поехали со мной». И муж, конечно, поехал. Заказали контейнер, загрузили вещи и отправились в путь.

Нина помогла устроить зятя на хорошее место. Он не просто удержался на этой работе, он своим трудом и умом начал продвигаться вперёд и выше по карьерной лестнице.

Спустя немного времени Люда вышла на работу в родной бар «Солнечный». И, сделав круг по свету, вернулась туда, откуда ушла, выйдя замуж. Но в душе не было печали. Она была удачно замужем, у неё был ребёнок, была возможность зарабатывать и чувствовать, что жизнь снова становится своей.

Если бы история имела сослагательное наклонение, можно было бы долго рассуждать, стоило ли возвращаться в Сочи или нет. Но всё сложилось так, как сложилось.

Прошёл год. Всё тот же бар «Солнечный». В самом конце бара, где свет приглушён сильнее, где за барной стойкой была мойка, рядом стоял служебный стол. Там сидели официантки, отдыхали, пили кофе и поглядывали на вход.

В дверь вошёл близкий друг компании и привёл с собой какого-то парня. Они прошли через бар, что-то обсуждали и смеялись.

Люда подняла глаза всего на секунду и вдруг что-то про-

изошло. Будто изнутри, откуда-то из-под сердца, поднялась горячая волна. Она прокатилась по груди, обожгла шею и ударила в лицо. На мгновение стало трудно дышать. Мир качнулся. Это не было похоже на влюбленность, это было узнавание. Будто она очень долго кого-то искала, сама об этом не подозревая, и вдруг случайно встретила. Так бывает только один раз в жизни.

Глава 6

Юра

В 1983 году, когда Юра пришёл устраиваться на работу, ему было 30 лет. Он был парнем, которого родители любили так, будто жизнь обязана была обходиться с ним так же бережно. В любой компании он был своим, находил общий язык с людьми из любых слоёв общества — и с бомжом, и с депутатом, как говорится. Женщины замечали его раньше, чем он входил в комнату. Юра это прекрасно понимал и давно привык считать внимание чемто само собой разумеющимся.

В его семье никогда не было нужды в деньгах. Отец, Лев Самойлович, родом из Одессы, — интеллигентный и воспитанный мужчина. Его любовь к сыну была той самой безусловной категорией, когда сына вытаскивают из любой передраги, подключая личные связи, а сын только ещё больше ищет приключений и проблем. Юра знал, что отец — его опора, его каменная скала, которая защитит и спасёт, во что бы он ни вляпался. Он привык жить с ощущением, что отец всё исправит. И Лев Самойлович исправлял. Раз за разом.

Связь с матерью, Луизой Карловной, была словно из прочных, не рвущихся канатов. Мать Юра признавал самой красивой женщиной на свете, с тонким, отменным вкусом во всех сферах жизни. Она знала ответы на все вопросы: чем

лечить горло, какую одежду покупать, как вообще жить.

Между собой отношения у родителей были не всегда гладкими. Луиза вышла замуж без большой любви. Она познакомилась со Львом в Дагестане, где они оказались после войны. Луиза спустя много лет говорила, что большой любви тогда не было: после войны выбирать особенно не приходилось. Лев был старше, занимал хорошую должность инженера на консервном заводе, был надёжным. В то время этого было достаточно. Там, в Буйнакске, у них родились дети: сначала девочка, а через шесть лет, в 1953 году, — сам Юра.

Вскоре Льва перевели на новую должность на консервный комбинат имени В. И. Ленина в Сочи, и семья переехала. Дети выросли, а Луиза и Лев, живя в одной квартире, разошлись по разным комнатам и позже развелись, оставшись, впрочем, жить вместе.

В тот период, когда Юра зашёл в бар «Солнечный», у него в очередной раз были сложности дома. Он привёл в дом в качестве невесты замужнюю девушку. Шёл бракоразводный процесс, они ходили в ЗАГС. Он познакомил её с родителями, но эти отношения всё же были словно песочные замки на зыбких песках. Чтото произошло, быт не сложился, свадьба сорвалась. Юра ушёл с прежней работы и решил переменить жизнь.

И вот в баре — Люда, но тоже замужняя, да ещё и с ребёнком. Юра устроился барменом и стал собирать взгляды

обожания от женского коллектива. Но стоило комунибудь из девушек задержаться возле стойки чуть дольше обычного, как Люда будто случайно оказывалась рядом: «Не трись тут, ловить нечего!»

Сначала они просто задерживались вместе до конца смены. Потом Юра стал провожать Люду до остановки. Иногда они молчали всю дорогу, а иногда болтали два часа, не замечая времени. Никто не говорил вслух, что происходит. Но оба уже знали.

Когда общение перешло в серьёзную стадию, Люда поставила Юру перед фактом:

— Я всё рассказываю мужу. Я развожусь.

— А тебе что, адреналин не нравится? — неожиданно спросил Юра.

— Нет. Я адреналин не люблю!

Юра принял это решение — не испугавшись, не пытаясь отговорить.

Отношения Люды с мужем уже были расстроены. Выскочив замуж за один день, толком не зная друг друга и проведя первые совместные годы по большей части порознь, они теперь столкнулись с разностью взглядов на жизнь, и отношения стали трещать по швам, набросанным наспех. Люда пыталась поговорить, но сталкивалась с молчанием, игнорированием и нежеланием ковырять эту рану.

— Нам надо серьёзно поговорить, — както вечером, выйдя из гостей, попросила Люда.

— Нам с тобой не о чем говорить, — резко ответил муж, подводя итог их совместной жизни.

Муж, несмотря на то что давно подозревал Люду, слова о разводе воспринял как удар. Он всеми силами — настойчивостью и романтикой, угрозами и скандалами — пытался её вернуть. Но у Люды в голове уже всё было решено. Ничего не могло её вразумить. Казалось, всё остальное перестало существовать: ни сын, ни уговоры друзей, ни страх перед будущим больше не могли остановить Люду.

— Люда, серьёзно, не совершай ошибку! — пытались остановить её друзья. — Юра, конечно, хороший человек, но не для замужества!

Мать Нина мокрыми тряпками выбивала из Люды эту дурь. Она до последних своих дней так и не приняла Юру как мужчину дочери: он был тем, кто, по её мнению, разрушил семейное счастье её ребёнка.

Мир Люды перевернулся так резко, что она ловила себя на мысли: кто-то незаметно поменял местами свет и тень, и теперь всё, что раньше казалось надёжным, стало зыбким, а то, от чего хотелось держаться подальше, вдруг притянуло к себе с пугающей силой. Теперь рядом был Юра, который считал её своей собственностью — и эта собственническая хватка чувствовалась в каждом его движении, в тяжёлом, колющем взгляде, которым он обводил любого, кто подходил к ней ближе, чем на шаг. Он ревновал до глухого, сдавленного гнева, и в этой ревности не было трепета — только потреб-

ность владеть. И при этом он снисходительно позволял ей любить себя: принимал её тепло как должное, будто это не дар, а положенная ему по праву плата за то, что он вообще обратил на неё внимание. Люда училась дышать в этом новом, перекошенном мире, где любовь перестала быть тихой гаванью и превратилась в шаткие перила над обрывом, — и каждый день ей приходилось заново решать, стоит ли вообще держаться за них.

Глава 7

Ведро гвоздик

Память похожа на старый фотоальбом с толстыми картонными страницами. Когда Люда перелистывает их сейчас, она чувствует легкую грусть и печаль, но эти чувства всё-таки светлые. Там, на пожелтевших снимках памяти, осталась та самая безмятежность восьмидесятых. Время, которое казалось бесконечным, а сейчас кажется самым счастливым.

1983 год. Сочи иногда по ощущениям становился крошечным городом, где все ходят в один и тот же магазин и казалось, приличных ресторанов здесь всего два. Как-то Люда с Юрой решили, что ужинать нужно ехать в Хосту — там-то точно никто их не увидит. Но именно в этот вечер, именно в этот самый ресторан приехал весь коллектив бара «Солнечный». Случайно. Никто из них раньше туда не ездил. Прятаться дальше становилось бессмысленно.

После очередного скандала и драки на работе руководство предложило Юре из бара по-хорошему уволиться. Люда, недолго думая, сразу написала заявление следом.

— Раз так, то я тоже увольняюсь, — отрезала она.

Последовал окончательный развод. Они скитались по друзьям, недолго снимали сарай возле Курортного городка, потом осели в комнате у подруги.

У Люды умерла бабушка. На поминках в столовой Юра су-

мел найти повод для ревности, сказал, что уходит, и действительно собрал вещи. Люда плакала дома, размазывая тушь, и сама не понимала, кого оплакивает больше — бабушку, которую сегодня похоронили, или любимого мужчину, который ушел ровно через час после кладбища.

Юры не было двое суток. Когда вернулся, они поговорили по душам и решили жить семьей втроем на квартире у подруги. К сыну Люды Юра сразу относился очень хорошо: забирал его из садика, когда она сама не успевала, читал ему книжки перед сном. Через месяц или два все вернулись жить к маме Нине, так казалось проще и правильнее.

Юра перешел работать под крыло к отцу. Люда устроилась официанткой в аэропортовский «Сокол».

Аэропорт в городе был один и бывший муж Люды, приехав провожать знакомых, по-приятельски не упустил возможности заглянуть в ресторан угостить девчонок клубникой с шампанским. Увидев его в дверях зала, Люда почувствовала, как мгновенно пересохло во рту. Она знала: каждый вечер Юра приходит сюда с работы, чтобы забрать ее домой.

Юра вошел без пяти минут до закрытия, прошел мимо пустеющих столиков прямо к буфетчице:

— Люда ушла?

Буфетчица растерянно начала заикаться, пытаясь спрятать взгляд куда-то в сторону.

— Чего? Не понял. А ну подвинься, — закипая, прошипел

сквозь зубы Юра.

Он распахнул дверь банкетного зала. Навстречу шла Люда, судорожно одергивая край блузки. Юра придумал причину моментально. Взял её, крепко сжав пальцы на тонкой ткани.

— Сейчас отвезу тебя на буну и утоплю.

— За что?

— За всё! Что он тут делает?!

От одного упоминания о бывшем муже Юру начинало трясти. Реакция была пугающе иррациональной: ведь этого человека нельзя было просто вычеркнуть из жизни. За ним стоял общий сын и несколько лет жизни. Но категорическое нежелание признавать этот факт, иногда помноженное на алкогольную злость, всегда давало взрыв. В тот вечер случилась тяжелая, мутная ссора, закончившаяся резким взмахом руки. Удар оставил тяжелый гул в голове и синяк на скуле, который сошел только через неделю. А на следующий день их пугающе догнала новая реальность — беременность.

Юра собирал сумку в командировку со словами:

— Если сделаешь аборт, позвони мне, скажи, чтобы я уже сюда не возвращался.

Он вернулся. О прерывании Люда думать не стала. Они спокойно всё обсудили: ребенок должен расти в семье, значит, пора расписываться и знакомиться с его родителями.

Знакомство прошло сдержанно. Луиза Карловна была немногословна. А Лев Самойлович поддержал выбор сына:

— На таких глазах я бы тоже женился!

Сына Люды Юра решил пока не показывать. О его существовании родители узнали спустя два года.

Свадебный ужин накрыли в ресторане гостиницы «Жемчужина». В маленьком зале было двенадцать самых близких гостей. От Юры из родственников приехала только сестра.

Юра с Людой в те годы часто бывали в этой гостинице. Советское окно в западный мир, минус первый этаж, ресторан «Бункер» — там был другой мир, там у Юры были все знакомые. Он задаривал Люду импортными вещами, покупая одежду пакетами в коридорах гостиницы: «Выбирай что хочешь, всё для тебя!». Задаривал цветами. Их катали по залу ресторана на тележке прямо в оцинкованных ведрах — кто-то покупал одну штуку, кто-то три. Юра всегда выкупал всё ведро. Ставил его посреди своего стола, и весь ресторан замолкал от зависти. Один раз к их столу подбежал немец и стал выторговывать пять гвоздик для своей дамы. Юра широким жестом отдал их безвозмездно.

В 1985 году родилась дочь. Для Юры появился смысл. Девочка стала его персональной религией, отдушиной. Он видел в ней черты своей матери Луизы Карловны и считал идеальным творением. Назвали Юлией.

Переезд в свою отдельную квартиру, пусть и однокомнатную открыл, пожалуй, самые счастливые десять лет их совместной жизни. Хорошего было много. Люда не знала нужды нив чём и была вполне себе счастлива — живя с любимым

мужчиной, она научилась мастерски закрывать глаза на трещины в фундаменте их брака. Юра гулял, пропадая на двое-трое суток, а потом рассказывал, как его машина зависла над обрывом, и он чудом не сорвался. Люда делала вид, что верит. Ей просто хотелось делать так, чтобы ему с ней было хорошо. Делать так, чтобы он чувствовал себя как дома. Семья Юры жила иначе: они по-другому отмечали праздники, хотя часто скандалили за столом на тему политики, готовили другие блюда, одевались и говорили иными интонациями. Теперь и Люда научилась готовить воздушные запеканки и Ленинградский пирог с мясом — всё то, что любил Юра.

Девяностые начались незаметно. Никто не голодал — не испытывали даже легкой тревоги. Все праздники, все дни рождения отмечали одной дружной компанией — пять-шесть семей, много детей. Выезжали на природу, ходили друг другу в гости.

На одной из страниц фотоальбома памяти — яркая поездка в Красную Поляну встречать Новый год. Для детей, да и для взрослых, живущих на побережье Сочи, снег всегда был сказочным событием, а снег на Новый год — волшебством. Вся компания собралась в охотничьем домике. Снега вокруг — по пояс, ели и сосны стоят в молчаливом ожидании бурной ночи. Внутри — шкуры медведей, рога оленей, камин. Новогодний маскарад, который устраивали всей компанией, и несмотря на холод — это очень теплые воспоминания.

На другой странице — лето на турбазе «Медвежий угол».

Дорога туда называлась Скальник: узкая лента асфальта, пробитая в ручную киркой в отвесных скалах. Над головой нависали карнизы камней, готовые упасть при каждом вздохе ветра или капле дождя. Повороты были слепыми, а обрывы — бездонными; водители молились: «*Пронеси, Господи!*». Эта рукотворная трасса забрала десятки жизней ещё во время строительства и до сих пор считалась одной из самых живописных и опасных в стране.

В тоннелях по стенам будто текли слёзы, а в углублении в тени скрывалась икона Божьей Матери, рядом с которой всегда сгорела свечка. С обрыва открывался вид на Мзымту, несущую свои воды бурным потоком к морю.

На самой турбазе стояли пронумерованные деревянные домики. Вокруг рос орешник и ежевика, бил нарзановый источник с ярким привкусом железа. Ржавые камни, мох и листва создавали особый аромат. А осенью можно было собирать колючих каштанов, чтобы потом жарить их на сковороде, слушая треск лопающейся кожуры.

Для Юли на страницах памяти этих лет — летние сумерки на улицах Молокова и Ульянова, мерцание светлячков, смешанное с запахом розовой мимозы — не той желтой акации, которую продают восьмого марта, а именно мимозы, пушистыми сладкими шариками со своим обволакивающим ароматом.

Они ждали Юру с работы. Он приезжал, забирал Люду с детьми, и вместе они ехали на парковку возле Мзымты за ад-

лерским рынком — оставлять машину во дворе тогда никто не решался. Обратном домой шли пешком. В памяти крупным планом запечатлены эти неторопливые шаги, Юлина маленькая ладошка в сильной руке папы и вечерний Адлер, которого теперь больше нет.

Сейчас Юля собирает эти воспоминания по крупицам, наполняя свой дом и сад вещами и растениями, отсылающими к тем годам, в попытках подышать тем воздухом снова.

Пока был жив Лев Самойлович, пока Юра работал под его строгим надзором и покровительством, советуясь по каждому поводу, он не принимал неверных решений. Деньги зарабатывались легко: за два месяца купили новую машину. Мог бы купить и двушку, но посоветовался с матерью — Луиза Карловна не одобрила, и решение отпало само собой.

Десять лет пролетели незаметно. Вчетвером они переехали в двухкомнатную квартиру. Сделали хороший ремонт, купили красивую стенку и мягкую мебель. Казалось, теперь всё пойдет гладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.